

1861 год

ное потому, что я ни с кем из приближенных почти не был знаком и потому никак не мог рассчитывать на чью-либо поддержку. В Гатчине целый день проводится в веселье и еде. Утром, в 12 часов, собираются все приглашенные идти к завтраку, потом отправляются или гулять, или на охоту, или кататься. В 4 часа опять собираются к обеду и остаются в общей зале, так называемом арсенале, до 6-ти или 7-ми часов. В 9 часов опять собираются или на бал, или в театр, а иногда и то и другое, и так до 2-х часов ночи, и каждый день одно и то же. К обеду и к вечеру к живущим гостям присоединяются приезжие из города, званые только на вечер. Жизнь в Гатчине могла бы быть очень приятной, ежели бы круг гостей был бы между собой теснее связан и ежели бы препровождение времени было бы разнообразно устроено. Но для этого нужны элементы, которых, к сожалению, в высшем обществе нет. Без участия умных, интересных и талантливых людей очень трудно что-нибудь устроить.

1861 год

7-го января. С чувством тревожным ожидания великих событий встретил я Новый год. Не нужно быть прозорливым прорицателем, чтобы предсказать наступившему Новому году важное историческое значение. Не только в Европе и Азии, но и в Америке должны совершиться события, последствия которых достоверно определить невозможно. Итальянский и восточный вопросы с весны нынешнего года поднимут на ноги всю Европу, а у нас, кроме того, крестьянский вопрос сам по себе уже произведет такой переворот, который на скрижалях истории отмечен будет чертами неизгладимыми и может послужить началом новой исторической эры. Невозможно верить в совершенно мирный исход крестьянского вопроса, еще много лет будет он стоять на очереди, но от первого момента его разрешения будет зависеть характер его дальнейшего развития. Нет такой силы, которая могла бы удержать в пределах все враждующие партии и указать им правильный путь к примирению, поэтому вся и единственная надежда на Бога и на ту невидимую силу случайностей, которая с самого начала вела этот вопрос помимо воли и задуманных намерений представителей всех партий.

Тот, кто следил с самого начала за ходом крестьянского вопроса, кому были известны все подробности и закулисные тайны их, тот не может не верить в непосредственное участие Провидения в этом деле. Даже все первостепенные деятели, которые имели, по-видимому, самостоятельное в деле участие, не могут дать себе ясного отчета в добытом результате. Необъяснимым остается для потомства как самая решимость государя возбудить вопрос, которому он прежде не сочувствовал, так и быстрый ход его, несмотря на единодушное стремление всех лиц, власть имеющих, ежели не совсем задержать его, то по крайней мере весьма замедлить его радикальное разрешение. С той же неизвестностью приближается ныне вопрос крестьянский к своей окончательной развязке. На днях он поступил из Комитета в Государственный совет. Тут готовится сильная по численности оппозиция, но слабая по качествам ее

представителей. Можно почти с достоверностью полагать, что проект Редакционных комиссий будет утвержден государем с весьма незначительными изменениями. Но вопрос будет состоять теперь в порядке исполнения. Тут все представляется загадкой — и форма объявления народу, и средства сохранения порядка. Дай Бог, чтобы и тут факт не оправдал бы ожиданий, ибо ожидания весьма тревожны. Проект Манифеста, который приглашал меня Милютин прочесть для замечаний, еще более убедил меня в невозможности объявить народу освобождение в этой форме. Вероятно, первоначальная редакция еще несколько раз будет изменена, но, как бы то ни было, невозможность в Манифесте соблюсти приличия и удобопонятливость при краткости изложения останется та же, и я продолжаю думать, что, кроме Манифеста или просто указа, полезно было бы издать объявление народу языком, ему понятным, написанное и с изложением тех главных правил положения, которые главнее всего ему нужно знать. К Новому году ждали больших перемен в личном составе высшего управления. На место едва живого князя Орлова, говорили, назначат едва движущегося графа Блудова, на место его — Панина, на место Панина — Замятнина, а на место сего последнего — меня. Но ничего из сих предположений не оправдалось. Не знаю даже, собственно, была ли обо мне речь серьезно или только городской слух. Великий князь будет, со своей стороны, содействовать моему назначению, но может случиться, что его и не спросят, а, конечно, ни Панин, ни Замятнин меня рекомендовать не станут.

28-го января. Сегодня первое заседание Государственного совета по крестьянскому делу под председательством самого государя. Заседание продолжалось с 12-ти часов до 6-ти. Государь открыл его речью. Все единогласно свидетельствуют, что государь говорил с замечательным красноречием. Он начал с краткого исторического обзора вопроса, объявил решительное свое намерение кончить непременно это дело в нынешнем году и не позже половины февраля. Он сказал, между прочим, что крепостное право, установленное самодержавною властью, не может быть отменено иначе, как той же самодержавною властью. Я не читал текста речи, но, судя по отзывам, она должна быть замечательна. Затем приступили к обсуждению главных вопросов, в них заключались преимущественно спорные начала.

В Главном комитете вырешено три мнения. Первое, к которому принадлежало большинство, приняло проект Редакционных комиссий почти без изменений. Второе мнение, представленное Муравьевым, к которому пристали Долгоруков и Княжевич, отличалось от мнения большинства существенно только тем, что отвергало цифры наделов, предлагаемые Редакционными комиссиями, и возлагало на губернские присутствия определить размеры наделов. Третье мнение, представленное князем Гагариным, предлагало освобождение без определенного законом надела, предоставляя все любовным соглашениям. Вопросы, предложенные на сегодняшнем заседании Государственного совета, имели главной целью разрешить в принципе эти разногласия. На вопрос, следует ли количество земли быть определено правительством или предоставлено совершенно добровольным соглашениям, большинство отвечало

в смысле первом. Засим предложен был вопрос о том, следует ли теперь же назначить размер надела или предоставить это губернским присутствиям, — на этот вопрос мнения разделись почти поровну. Государь предоставил себе сказать свое мнение при утверждении журнала заседания. Много говорено было речей, но оппозиция, как и следовало ожидать, не отличалась ни красноречием, ни строгою последовательностью. Несколько членов, как то: Панин и Строганов, на которых рассчитывала оппозиция, перешли на сторону Редакционных комиссий, и нет сомнения, что государь будет также на этой стороне. В петербургских салонах сильное негодование. Кажется, убедились, что государь намерен действовать решительно и что дело ни отсрочено, ни изменено быть не может.

Вчера было замечательное заседание Главного комитета, в котором государь объявил, что Главный комитет обратится в место постоянное и будет заведовать всеми делами сельских обывателей. Он выразил мнение, что с уничтожением крепостного состояния нет основания иметь отдельные управления Государственных имуществ, Уделов, и что дела по окончательному устройству всех сельских обывателей должны быть сосредоточены в Главном комитете, в котором министр Государственных имуществ, Уделов и внутренних дел будут членами и дела будут докладываться ему Комитетом. Он предоставляет себе назначить особых членов и председателя. Эта важная мера придумана самим государем. Муравьев хотел сделать замечание, но государь остановил его, сказав, что он это уже решил.

Вообще нельзя не удивляться энергии государя и решимости его идти во что бы то ни стало к цели. Прежде можно было предполагать, что он не отдает себе ясного отчета в предпринятых им преобразованиях, но теперь видно, что он не только вполне усвоил себе все подробности вопроса, но и сознает все возможные последствия реформы. Когда вспомним, что Николай Павлович созывал один за другим 9 комитетов и что всякий раз останавливался на пустой полумере вследствие доходивших до него толков, то нельзя не признать за Александром Николаевичем той храбрости, которой недоставало покойному отцу его. Разговор какого-нибудь князя Сергея Михайловича Голицына сбивал Николая с толку, а теперь все кругом государя не сочувствует реформе — в самом семействе, кроме великого князя Константина, ежели не явно, то втихомолку осуждают меру, но государь как будто ничего не слышит, не высказывается ни той ни другой стороне, а в данном случае действует сознательно.

Вчера в Главном комитете и сегодня в Государственном совете государь обнимал и благодарил великого князя Константина Николаевича, и, действительно он заслуживает этого — с необыкновенным рвением и усердием занимался он все это время вопросом и благодаря своим необычайным способностям изучил его во всех подробностях. Нельзя и в этом участии великого князя в крестьянском вопросе не видеть особенного удивительного явления. Как упорно отклонялся великий князь от участия в этом деле, могут знать только те, кто видел его близко. Когда дело поступило в Главный комитет, он решительно объявил, что не будет им заниматься и что его дело быть моряком и больше ничего. Он не хотел даже прочесть извлечений из трудов Комиссии,

для того чтобы ознакомиться с ними и не сидеть в Комитете безгласным членом... Великая княгиня, подстрекаемая разными влияниями, со своей стороны, хлопотала о том, чтобы не допускать его до занятий крестьянским вопросом. Вдруг, совершенно неожиданно, по случаю болезни князя Орлова, государь назначает его председателем Комитета, несмотря на все его сопротивление. Необходимость заставила его заняться, и тогда, раз уже он принялся за дело, то предался ему усердно. Все время он председательствовал в Главном комитете, по отзыву даже врагов его, с необыкновенным искусством и имел на дело решительное влияние. Таким образом, этот человек, против своей воли и почти насильственно, попал в дело, которое дает ему важную страницу в истории России. В обществе неизвестны все эти подробности, и теперь, особенно в провинции, все убеждены, что великий князь все это дело затеял, что он руководил государем и проч. и проч. ... Его считают не только главою красной, или либеральной, партии, но честолюбцем, имеющим свои затаенные и коварные замыслы. Вот как пишут историю...

14-го февраля. Совет³⁸ кончил рассмотрение проекта, существенных изменений не сделано. В экстренном собрании у государя некоторых членов Комитета решено объявить Манифест с Великим постом. Проект Манифеста посылали в Москву митрополиту Филарету для редакции. На сих днях митрополит Филарет прислал свои редакции — говорят, очень хороши. Очень умно сделали, что привлекли Филарета к участию в редакции Манифеста, кроме того, что лучше его вряд ли кто-либо мог написать подобный акт, но авторитет его имени расположит уже в пользу редакции всю оппозиционную публику. Предполагалось объявить Манифест 19-го числа, но к этому времени печатание Положения не окончится, и, кроме того, ежели объявить в Петербурге 19-го числа, то в России это объявление пришлось бы на самой масленице, что, конечно, очень опасно. Жаль только, что народ ждет почти повсеместно чего-нибудь к 19-му числу, и весьма вероятно, что здесь в этот день будет какая-нибудь манифестация. Одно простое любопытство, без всяких посторонних целей, может привлечь несколько сот человек на площадь перед Сенатом или дворцом, и тут малейшая оплошность полиции может произвести скандал. К тому же, 19-го числа, кроме праздника восшествия на престол, еще воскресенье, а в этот день обыкновенно бывает на Неве бег³⁹, и перед обедом пропасть народу гуляет перед дворцом. Сохрани Бог от всякого, даже малейшего беспорядка, ибо слух о нем в преувеличенном, конечно, виде пройдет по всей России и может произвести там волнения. Уже и здесь теперь врут немало всякого вздора. Так, рассказывали, будто великий князь Константин Николаевич ранен пулей. Не знаю, какие предупредительные меры принимает явная и тайная полиция, но очень трудно сказать, что бы следовало сделать, ибо невозможно заранее предвидеть все неизбежные случайности.

18-го февраля. Из Варшавы получены известия весьма печальные 15-го числа. Шайка злоумышленников хотела, под предлогом поминовения умерших в Грахувском сражении⁴⁰, сделать процессию по городу. Полиция помешала. На дру-

гой день в разных местах города стали собираться толпы, и в войска бросали камнями. Тогда в одном месте один матрос должен был стрелять; по сведениям, сообщенным по телеграфу, убитых 6 и раненых тоже 6. На другой день все было спокойно, но ежели беспорядки повторятся, то Варшава будет объявлена на военном положении. Других подробностей пока нет, видимо, поляки рассчитывают на крестьянский вопрос, который в завтрашний день должен окончательно решиться и привести всю Россию в волнение. Но на помощь извне им, кажется, теперь рассчитывать нельзя. Кроме публичной манифестации, все предводители дворянства в Царстве Польском подали в отставку. Не знаю ни значения, ни характера движения в Польше. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков, вероятно, в большом смущении и суете. Желательно было бы иметь в Варшаве кого-нибудь помолже и поспокойнее. Не знаю, как государь принял это известие.

Сегодня я был у великого князя и мог довольно долго с ним говорить. Это в первый раз, как он занимается крестьянским вопросом, хотя здесь все убеждены, что я сильно действую и имею влияние на великого князя по крестьянскому делу, но, повторяю, я в первый раз сегодня с ним говорил об этом деле. Я поздравил его с последним днем старой истории России и с наступлением н о в е й ш е й э п о х и.

Сегодня последнее заседание Государственного совета, и завтра государь подпишет Манифест, но он не будет объявлен прежде Великого поста. Несмотря на то, завтра, по всей вероятности, народ будет толпиться на площади перед дворцом и ожидать чего-нибудь. Дай Бог, чтобы прошло это без эпизода.

Несмотря на массу подметных писем, в которых страшат государя разными страшилищами, он стоит твердо. Одно из этих писем было прочитано государем в присутствии нескольких министров. В нем, между прочим, сказано, что против государя готовятся кинжалы, и умоляют его поберечь хотя бы семью, ибо ее беречь не будут.

Говоря об оппозиции, государь сказал раз Ланскому: «Народ все-таки будет доволен, ему будет лучше, а дворяне могут меня убить, я на это готов, но дело все-таки останется». Не знаю, этими ли именно словами он сказал это, но мысль, говорят, та.

Великий князь так еще переполнен и проникнут крестьянскими делами, которыми он почти три месяца занимался, что не может ни о чем другом говорить, и говорит с одушевлением. Очень удивляется, что ему приписывают и само поднятие крестьянского вопроса, и влияние на государя. Он знает, что его в обществе единодушно все ругают, но, кажется, смотрит на это равнодушно. Он сказал мне, что теперь распускают слухи, будто дворянство хочет отстранить себя от всяких должностей. Я ответил ему, что этого едва ли можно опасаться. Место свято пусто не будет. Что-то Бог даст завтра... В газетах так глупо было объявлено о том, что завтра объявления не будет, что народ может подумать, что все совсем отложено.

19-го февраля. Благодаря Богу сегодняшний день прошел совершенно благополучно, не было даже признака волнения, и на набережной перед дворцом было даже менее народу, чем обыкновенно в воскресенье во время бега. Дай

Бог, чтобы и дальнейшие наши опасения и тревоги были также неосновательны. Вечером я сегодня был у великой княгини Ольги Николаевны, которая приехала сюда с мужем по случаю кончины императрицы Александры Федоровны и до сих пор еще живет здесь. Из Варшавы, кажется, дурных известий нет.

5-го марта. Объявление Манифеста об освобождении крестьян.

Наконец свершилось великое дело... В России нет больше крепостного состояния... Сегодня вышел Манифест и был читан во всех церквях. При этом не было ни тени беспорядка, везде при конечных словах народ крестился. Государь на разводе в манеже сказал речь офицерам, объявил им о выходе Манифеста и выразил им надежду, что они как представители дворянства будут продолжать служить ему верно и усердно. Слова его были встречены громким «ура», и народ, собравшийся на площади перед манежем, в числе не более 1000 человек, подхватили это «ура»... Вот единственная манифестация сегодняшнего дня. На улицах даже незаметно никакого особого движения. Сегодня последний день масленицы, и даже пьяных менее обыкновенного. Я ходил на гуляние и не слышал в народе ни одного слова о свободе. Сказывают, что в Исаакиевском соборе были чины разных посольств, они надеялись присутствовать при необыкновенном каком-либо зрелище народного ликования, но, к величайшему их удивлению, ничего не видали. Я сам не знаю, как объяснить эту необыкновенную сдержанность в народе; отчасти это можно приписать неожиданности, ибо вчера еще никто не знал, что сегодня будет объявление, а отчасти, может быть, двухлетний срок⁴¹, о котором в Манифесте и в объявлениях так утвердительно говорится, охладил порыв радости. Манифест вообще немногими понят, и из него нельзя видеть, в чем заключается реформа. Когда вчитаются, то увидят, что не только через два года, но и с сегодняшнего дня многое сделано... Это будет сюрприз... Какой великий день для государя. Что бы ни случилось, но памятник он себе уже воздвиг...

6-го марта. Я был сегодня у великого князя, мне хотелось его поздравить с окончанием великого дела, в котором он принимал такое важное участие. Я обнял его искренно. Он сам очень доволен и в восторге от государя, от его непоколебимой твердости и спокойствия. Он сказал мне, что государь, которого он сегодня видел, сказал ему, что вчерашний день был для него светлым праздником. Великий князь сказал мне, что уже подписал Указ о распространении прав, дарованных крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, и на крестьян удельных и дворцовых, а также и на государственных относительно права выкупа земли в собственность. Усиленные занятия крепостным вопросом произвели на великого князя самое благотворное влияние. Он заметно возмужал и образовался. Теперь, видимо, он заинтересовался общим государственным делом, так что морская его специальность стоит на втором плане. Он очень хорошо знает, как его ругают, но, по видимому, очень равнодушен к этим ругательствам. Его в особенности

забавляет то, что ему приписывают инициативу всего этого дела и полагают, что он подбил государя к этой реформе. Для потомства останутся неизвестными все мелкие подробности всего этого дела, но тем, кто знает, как неохотно принялся великий князь за крепостное дело, действительно смешно слышать все толки о замыслах великого князя и проч. и проч. ... Он получил благодарственный рескрипт, но я его не читал, он будет напечатан завтра. Великий князь сказал мне, что не позволил бы напечатать его, ежели бы благодарность относилась только к его лицу, но так как государь через него благодарил всех членов Главного комитета, то нельзя его не обнародовать. В память вчерашнего дня будет выбита медаль и раздана всем, участвовавшим в работах по вопросу, для ношения в петлице. Члены бывших Редакционных комиссий усиленно просили, чтобы им не было никаких наград. Великий князь не знает еще, удастся ли уговорить государя не награждать членов Редакционных комиссий. Действительно, труд Редакционных комиссий таков, что всякая награда неуместна. Имена главных деятелей этих Комиссий, как то: Милютина, Самарина и Черкасского, останутся в памяти истории, хотя в Манифесте, по настоянию, говорят, графа Панина, и не упоминается вовсе о Редакционных комиссиях. Весьма немного сделано изменений в проекте, составленном Редакционными комиссиями. Опыты и время покажут достоинства и недостатки этого проекта, но во всяком случае судить его строго нельзя, принимая во внимание всю внешнюю обстановку, все те влияния, среди которых издавался, или, лучше сказать, склеивался проект. Можно было бы написать весьма любопытную для потомства книгу обо всех эпизодах, сопровождавших работу Редакционных комиссий.

Сегодня я обедал у великой княгини Елены Павловны. Она тоже ликует. Относительно ее участия в крепостном вопросе общественное мнение выражается весьма различно. Одни приписывают ей весьма сильное влияние и считают ее главной виновницей или по крайней мере сильным двигателем возбужденного вопроса. Другие приписывают ей роль *de la mouche du coche**. Правда находится между этими двумя мнениями. Она, точно, очень много хлопотала и много содействовала вопросу тем, что умела приближать к себе людей и сводить их для взаимной деятельности. Ее влиянию обязаны тем, что государь перестал с недоверчивостью смотреть на лиц, заподозренных в прежнее царствование, и через посредство ее улаживались нередко частные недоразумения. Но так как она сама не пользуется большим доверием и любовью всей семьи, то влияние ее далеко не имело того значения, какое ей приписывают. Во всяком случае, нельзя отрицать необыкновенных достоинств в этой женщине: большая восприимчивость, неутомимая деятельность, настойчивость и умение пользоваться людскими слабостями — вот ее орудия. В моих суждениях о ней я не подкуплен 14-летним ее расположением ко мне, я сам многим ей обязан, и здесь не место писать подробную ее характеристику. Я только хочу сказать, что в крепостном вопросе следы ее влияния незаметны, но отрицать их нельзя, и даже, может быть, против воли и сами того не замечая, многие, и

* Здесь: назойливой мухи.

Второй том

в том числе и царь, действовали под впечатлением этого влияния. Но все это не ослабляет той совершенной истины, что главным виновником конца крепостного права был сам царь, и ему одному принадлежит вся честь и слава. Влияние Ростовцева было весьма сильное, и Ростовцев сделался эмансипатором совершенно случайно и только потому, что увидел непреклонную на то волю царя. Великая княгиня сказала мне, что накануне ездила поздравлять государя и была у обедни в Зимнем дворце. Кроме Константина Николаевича и нее, вся остальная семья, и в том числе императрица, не сочувствовали радости государя. Из Москвы получены известия, что объявление Манифеста и там совершилось без малейшего беспокойства. Начало хорошо, что-то будет впереди — это одному Богу известно. Между тем польские дела, в моих глазах, очень серьезны, и мне кажется, значение их здесь не понимают. По крайней мере из нескольких слов, сказанных мне великим князем, я мог заключить, что он думает, что беспорядок в Польше произведен буйным меньшинством, с которым нетрудно будет сладить материальной силой. Такой взгляд ошибочен и может иметь плачевные результаты. Мне кажется, пришла теперь минута принять относительно Польши решительные меры и признать, что польский вопрос существует и что штыками его не разрешить.